

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

Д.Г. Выговская

Статья посвящена изучению ассоциативного эксперимента: видов, особенностей и способов применения в психолингвистических исследованиях. На примере свободного ассоциативного эксперимента рассмотрен подход к интерпретации полученных результатов, включающий использование нескольких классификаций и уровней описания.

Ключевые слова: языковое сознание; ассоциативный эксперимент; ассоциативное поле; уровни описания.

Психолингвистические эксперименты в наибольшей степени приближены к реальному мышлению и позволяют судить о конвенционально обусловленных и о специфических связях языковой единицы в индивидуаль-

ном сознании. Психолингвистический эксперимент помогает обнаружить специфику процессов категоризации и идентификации через типичные примеры и признаки в языке носителей разных культур.

В настоящее время под ассоциацией понимают «связь, образующуюся при определенных условиях между двумя и более психическими образованиями (ощущениями, двигательными актами, восприятиями, идеями и т.п.); действие этой связи – актуализация ассоциации – состоит в том, что появление одного члена ассоциации регулярно приводит к появлению другого (других)» [3]. Так, любой образ объекта действительности и любое понятие, зафиксированные в сознании, имеют свой ассоциативный аналог. «Образование ассоциации – это, по существу, процесс, в котором одно явление приобретает значение сигнала другого явления» [11].

Актуальным на сегодняшний день является изучение образов языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента, который основан на методе свободных ассоциаций, одном из первых проективных методов психологии. По словам Н.В. Уфимцевой, ассоциативный эксперимент является одним из способов овнешнения языкового сознания, а ассоциативные поля, формируемые из реакций носителей языка, дают возможность описывать качества их образов сознания. Образ сознания, ассоциированный со словом, – это одна из многих попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений. Поскольку языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано только как продукт бывшей деятельности или, иными словами, может стать объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, в своих превращенных, отчужденных от субъекта сознания формах (культурных предметах и квазипредметах) [13].

Таким образом, ассоциативный эксперимент позволяет выявить системность содержания образа сознания, стоящего за словом в разных культурах, а также системность всего языкового сознания носителей разных культур, передавая тем самым уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры. Следовательно, языковое сознание может рассматриваться как средство познания чужой культуры в ее предметной, деятельностной и ментальной формах, а также как средство познания своей культуры. Е.И. Горошко считает, что именно ассоциативные связи являются дифференцирующими параметрами гендера, возраста, уровня и направленности образования, условий жизни и стресс-фактора [4].

Рассматривая ассоциативный эксперимент, стоит отметить, что данный метод является наиболее распространённой техникой психолингвистического анализа, при использовании которого испытуемым «предлагается ответить на список слов-стимулов первыми пришедшими на ум словами» [2]. «Ассоциативный эксперимент – это прием, направленный на выявление

ние ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте. В психологическом словаре ассоциативный эксперимент определяется как особый метод исследования мотивации личности. Ассоциативный эксперимент позволяет выяснить, как устроены фрагменты языкового сознания у носителей языка [1].

Ассоциативные эксперименты, проводившиеся в XIX – начале XX века, ставили своей целью выяснение общих закономерностей ассоциативного процесса, задачей исследователей было найти оптимальную процедуру его проведения. Экспериментаторы стремились понять, по каким параметрам реакции испытуемых будут отличаться друг от друга, для чего применялись разнообразные их классификации, которые в основном связывались с психофизиологическими особенностями личности, существованием трех типов психики. Не было четких критериев определения реакции к определенному виду при разработке классификационных принципов. А.А. Залевская определяла это как смешение логических, лингвистических и психологических классификационных оснований [5]. «Одним из контрольных параметров в этих экспериментах являлось время реакции. В то время ставилась проблема связи между ассоциативным поведением испытуемых и его как индивидуальными психофизиологическими характеристиками, так и принадлежностью к определенной социальной группе. Выяснилось, что на ассоциации могут влиять как условия эксперимента, так и словестимулы, вызывающие определенные «грамматические реакции» [1].

Выделяется несколько типов ассоциативного эксперимента: свободный ассоциативный эксперимент (не ставится никаких ограничений на реакции); направленный ассоциативный эксперимент (испытуемому предлагается давать ассоциации определенного грамматического или семантического класса); цепочечный/цепной ассоциативный эксперимент (испытуемому предлагается реагировать на стимул несколькими ассоциациями).

Ю.И. Алферова отмечает, некоторые авторы считают цепной ассоциативный эксперимент разновидностью свободного, а направленный ассоциативный эксперимент, в терминологии А.А. Леонтьева, называется контролируемым. Иногда ассоциативные цепные эксперименты называются экспериментами с продолжающейся реакцией [1]. Можно также говорить о том, что каждый из ассоциативных экспериментов имеет свои достоинства и недостатки. Так, направленный ассоциативный эксперимент не предоставляет достаточно свободы в процессе ассоциирования, он скорее подталкивает респондентов реагировать согласно исследовательским задачам. «Направленность» эксперимента и наложение некоторых рамок на процесс ассоциирования серьезно снижают валидность результатов, полученных в этих экспериментах, и искажают реальную картину собственно протекания ассоциативного процесса. Главным преимуществом ассоциативного эксперимента является простота, удобство применения, поскольку его можно

проводить с большой группой испытуемых одновременно. Испытуемые работают со значением слова в «режиме употребления», что позволяет выделять некоторые неосознаваемые компоненты значения [1].

А.Н. Леонтьев утверждает, что «данные экспериментов не позволяют рассматривать ассоциативный эксперимент как простую сумму отдельных ассоциаций», отмечается наличие сложного взаимодействия отдельных моментов ассоциативного процесса, которые превращают ассоциативные ряды в некие единства, понимание которых возможно лишь на основе специального анализа их общих структур [8]. По результатам экспериментов А.Н. Леонтьев пришел к выводу, что при определенных условиях эксперимента в зависимости от типа раздражителя, повторения эксперимента, темпа ассоциирования и прочего реакции цепного ряда могут приобретать ряд свойств. С формальной стороны могут изменяться интервалы ряда. С содержательной стороны ассоциации становятся глубже, наблюдается их скачкообразность. Анализ динамики структуры ассоциативного ряда помогает понять, что лежит в основе интеллектуальных процессов мышления [8].

А.А. Залевская говорит о том, что ассоциативный эксперимент может стать полезным источником информации о степени актуальности различных лексико-семантических вариантов одного и того же слова для исследуемой группы людей [6]. А.А. Леонтьев считает, что «если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические «обертонны» – без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент» [9].

Е.И. Горошко отмечает, что метод сводного ассоциативного эксперимента заключается в том, что испытуемому как можно быстрее нужно ответить первым пришедшим в голову словом (реакцией) в ответ на предъявленное слово стимул. Свободный ассоциативный эксперимент – это самый простой из всех ассоциативных экспериментов, но достаточно эффективный. В ходе проведения ассоциативного эксперимента фиксируется тип реакции, частота однотипных ассоциаций и т.д. Эти данные позволяют «судить о скрытых влечениях и «аффективных комплексах» испытуемого, его установках», его социально-биографических данных. Считается, что на ассоциации, полученные в свободном ассоциативном эксперименте, влияют «лингвистический» фактор (определенные характеристики самого слова стимула) и «прагматический» (влияние личности самого испытуемого) [12]. Е.И. Горошко добавляет к этим двум факторам еще один – условия проведения самого эксперимента [3].

Результаты ассоциативного эксперимента отражают универсальные когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, и индивиду-

альные особенности испытуемых, содержание их личностных смыслов, т.е. позволяют получить знание о специфике этнического/профессионального сознания. Один из способов изучения системности образа мира по материалам ассоциативного эксперимента – выявление ядра языкового сознания, т.е. тех единиц семантической сети, которые имеют наибольшее число связей с другими единицами данной семантической сети [1].

Н.В. Уфимцева и Е.Ф. Тарасов понимают под ядром языкового сознания некоторую совокупность слов, имеющих наибольшее число связей с другими словами в ассоциативно-вербальной сети, которая строится по результатам массового ассоциативного эксперимента с достаточно большим числом испытуемых (от 100 до 1000) [14].

А.А. Залевская говорит о том, что «языковые единицы с конкретным, чувственным значением составляют основу успешного использования других языковых единиц» [6], а наличие «ядра лексикона является одним из оснований для многократного пересечения ассоциативных полей разных, казалось бы, не имеющих друг с другом связей, слов. Это помогает дать объяснение феномену, описанному Ю.Н. Карауловым [7] как «правило шести шагов»: именно через принадлежащие к ядру наиболее емкие единицы лексикона устанавливается связь между любыми двумя словами в пределах названного числа переходов» [6]. А.А. Залевская ссылается и на исследование индивидуального лексикона человека, проведенное киевскими психологами, которое показало, что «максимальное число связей имеют слова, представляющие особое значение для испытуемого как личности. Они являются самыми емкими понятиями, связь с которыми имеет максимальную вероятность воспроизведения, а число слов с максимальной ассоциативной силой составляет не более 2 % от общего объема лексикона» [6]. На основе данных ассоциативных экспериментов создаются ассоциативные словари (тезаурусы). Содержание и смысл материалов ассоциативных словарей продолжает анализироваться и изучаться в связи с самыми разными направлениями психолингвистических (и лингвистических) исследований. И прежде всего, с проблемами языкового сознания, образа мира, межкультурного общения. Есть много возможностей интерпретировать результаты ассоциативного эксперимента [1].

В качестве примера можно привести данные проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента среди молодого поколения россиян от 18 до 25 лет. Одним из исследуемых образов стал образ «враг». Реакции, полученные при проведении свободного ассоциативного эксперимента, позволили нам выделить ассоциативные поля стимулов. Ассоциативное поле слова является совокупностью всех ассоциатов на слово-стимул. Ассоциативное поле имеет ядро (наиболее частотные реакции) и периферию (единичные реакции) (табл. 1).

Таблица 1

Ассоциативное поле «враг»

Стимул «враг»	
Ядерные реакции	друг (12), народа (9), недруг (8), плохой (6), борьба (4), ненависть (4)
Периферия	война (3), Америка (2), вражда (2), дурак (2), опасность (2), предатель (2), противник (2)
Единичные реакции	56

Кроме того, для анализа полученных данных нам представляется целесообразным использование нескольких классификаций и нескольких уровней описания. В нашем исследовании это выглядит так:

- лексико-синтаксический уровень описывает синтаксические отношения между стимулом и реакцией (враг не дремлет; враг народа; враг не пройдет). Также на этом уровне рассматриваются лексико-категориальные отношения, в которые вступают стимул и реакция. Сюда входят синонимы (враг – предатель, недруг), антонимы (враг – друг), паронимы, окказионализмы, родовые и видовые понятия, часть – целое, целое – часть, перифразы и игра слов. К нему относятся конверсивные, омонимические, жаргонные и диалектные слова, архаизмы, парадигматические, синтагматические реакции, экзотизмы, иностранные заимствования и т.д.;
- на морфологическом уровне структура поля проявляется в словоизменительных и словообразовательных отношениях между реакцией и стимулом (враг – вражда);
- когнитивный уровень ассоциативного поля отражает знания носителя языка о стимуле, запечатлённые в языке в именах собственных (Америка), этнонимах (американцы), праобразах, во фреймах типовых психологических ситуаций, в афоризмах и идиомах;
- прагматический уровень состоит из оценок, даваемых носителями языка стимульному слову;
- статистический уровень находит свое воплощение в определенных количественных параметрах.

Все эти уровни превращают поле в единицу языка или «владение языком» – «в языковую способность», при этом первые уровни (лексико-синтаксический и морфологический) представляют основные системные уровни языка и, объединяясь в лексико-грамматические уровни, репрезентируют язык как таковой. Когнитивный уровень суммирует единицы хранения знаний и оперирования ими, отражает языковую картину мира и репрезентирует отношения «язык и человек», ибо нет знаний без их носителя [10]. Прагматический уровень поля определяет отношения «человек – действительность», а статистическая часть чисто формальными методами «показывает» степень адекватности численных характеристик поля внешним параметрам «единицы владения языком».

Отношения «язык – действительность» в нашем случае описываются при помощи семантического гештальта. Семантический гештальт выстраивается на основе семантической классификации входящих в поле ассоциатов (реакций) и состоит из нескольких семантических зон, которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (=стимулу). Вслед за Ю.Н. Карауловым мы считаем удобным для называния зон использовать местоименные обозначения, которые способны передавать наиболее общие смыслы. Для анализа данных эксперимента мы выделяем следующие семантические зоны: 1) кто (лицо, ассоциируемое со словом-стимулом); 2) что (предмет, ассоциируемый со словом-стимулом); 3) какой (включает постоянные (интегральные) признаки, рассматриваемые с позиции стороннего наблюдателя); 4) каков (оценочные характеристики в рамках шкалы «хороший – плохой»); 5) это (квазидефинитивные конструкции, в которых местоимение «это» выполняет роль гипотетической связки); 6) что делать (действие, ассоциируемое со словом-стимулом); 7) где (место, ассоциируемое со словом-стимулом); 8) когда (временной период, ассоциируемый со словом-стимулом) (табл. 2).

Таблица 2

Прагматический уровень описания

Стимул «враг»		
Кто?	32 %	друг (12), недруг (8), дурак (2), предатель (2), противник (2)
Что?	25 %	борьба (4), ненависть (4), война (3), вражда (2)
Где?	4 %	Америка (2), на море, напротив
Какой?	22 %	народа (9), группы, другой, здоровью, иной, красный
Каков?	7 %	плохой (6), хороший
Что делать?	10 %	«...мой бойся меня», всегда есть, завидовать, избегать

Таким образом, проблема классификации ассоциаций непосредственно связана с определением сущности ассоциативной связи. Очевидно, что процессы актуализации ассоциации, проходившие во время проведения свободного ассоциативного эксперимента, не могут быть описаны однозначно лингвистическими, логическими, психолингвистическими или философскими категориями. Реакции, полученные в ассоциативном эксперименте, являются индивидуальными в своей конкретности, и универсальными как принцип связи между стимулом и реакцией, и как тип ассоциирования. Использование подхода, включающего описание результатов с помощью различных классификаций и на разных уровнях, позволило нам наиболее полно и объективно отследить представленность интересующих нас стимулов в языковом сознании молодого поколения россиян.

Библиографический список

1. Алферова, Ю.И. Профессионально-маркированные компоненты языкового сознания: дис. ...канд. филол. наук / Ю.И. Алферова. – Омск, 2005. – 182 с.
2. Белянин, В.П. Психолингвистика: учебник / В.П. Белянин. – М.: Флинта: Московский психосоциальный институт, 2003. – 232 с.
3. Горошко, Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е.И. Горошко. – Харьков; М.: Изд. Группа «РА – Каравелла», 2001. – 320 с.
4. Горошко, Е.И. Языковое сознание – опыт ассоциативного анализа / Е.И. Горошко // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: тез. XIV межд. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003 г. – М., 2003. – С. 3–9.
5. Залевская, А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях: учебное пособие / А.А. Залевская. – Калинин: КГУ, 1978. – 216 с.
6. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / А.А. Залевская. – Воронеж, 1990.
7. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., Наука, 2014. – 264 с.
8. Леонтьев, А.Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов (экспериментальное исследование) / А.Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения: в 2 т. Т.2. – М.: Педагогика, 1983. – С. 50–71.
9. Леонтьев, А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А.А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – С. 3–16.
10. Новикова, А.М. «Семантический гештальт» в структуре ассоциативного поля / А.М. Новикова. – М., 1998. – С. 4–30.
11. Рубинштейн, С.Л. Основы онтологии, логики и психологии / С.Л. Рубинштейн. – М., 1997. – 463 с.
12. Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) / под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 192 с.
13. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 102–111.
14. Уфимцева, Н.В. Проблемы изучения языкового сознания / Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов. – М., 2009. – С. 22–29.

[К содержанию](#)